

Глава 29. Ночные создания

Лишь на рассвете Вэнь Ле осознал, что вчера они целовались, даже не почистив зубы, и уснули сразу после близости, так и не приняв душ. А хуже всего было то, что на часах уже пробило восемь!

Он поспешно набрал номер школы, чтобы отпроситься; к счастью, с утра занятий у него не было. Вчера они выпили всего пару бутылок пива, так что пьяным он себя не чувствовал — разве что голова немного кружилась. Впрочем, дело было не столько в выпивке, сколько в романтических историях Наньгун Хуэя.

Вэнь Ле раздвинул шторы: улица внизу уже жила своей суетной жизнью. Вчерашний дождь и тучи бесследно исчезли, уступив место ослепительному солнцу. Начинался новый день.

Он обернулся и посмотрел на крепко спящего Наньгун Хуэя. Тонкие, четко очерченные линии его лица в профиль казались безупречными. Этот человек был настоящим ночным созданием, ускользающим в сумерки на окраины города. Вэнь Ле невольно задумался: удастся ли когда-нибудь вернуть его в нормальное русло?

Вэнь Ле никогда не любил долго валяться в постели. Даже по выходным он привык вставать в седьмом часу. Умывшись, он спустился вниз, чтобы позавтракать.

Больше всего по утрам он обожал «цзяньбин гоцзы» — горячие блинчики с начинкой. На жаровне шкварчит ароматное яйцо, сверху накрывается лепешкой, добавляется соломка из картофеля и морской капусты, мелко нарезанная маринованная горчица, щепотка зеленого лука и кинзы. Всё это густо смазывается соусом, внутрь заворачивается хрустящий хворост «ютяо» — и вот он, горячий, благоухающий завтрак. Если запивать его соевым молоком, удовольствие просто неописуемое.

Дома же мать вечно кормила его овсянкой, глазуньей, яблоками и цельнозерновыми булочками с молоком. Это меню не менялось тысячелетиями, и порой от одного его вида у Вэнь Ле подступала тошнота. Слишком пресно. Иногда отчаянно хотелось чего-нибудь соленого, с ярким вкусом.

Вэнь Ле попросил торговку добавить в блинчик лишнюю порцию «ютяо» и еще одну сосиску. Мать строго-настрого запрещала ему это есть. Она твердила, что в «ютяо» добавляют квасцы, от которых на старости лет развивается слабоумие, а в сосисках полно химии и мясных обрезков непонятного происхождения — «перемолотых в кашу субпродуктов», как она выражалась. Да и пусть! От одного раза еще никто не умирал, а вкус и впрямь был отменным.

Занимаясь этими мелочами, Вэнь Ле чувствовал себя почти счастливым. Сам того не замечая, он нарушал запреты, сбрасывал оковы и будто заявлял о своей независимости. Правила ведь и созданы для того, чтобы их нарушать. Оказалось, что в бунтарстве и легком отступлении от канонов есть своеобразное очарование. Он наконец начал понимать, почему некоторым так нравится быть «сердитыми молодыми людьми» и наслаждаться ролью единственного трезвого

в толпе пьяниц.

Вспомнив о самолюбовании, свойственном Наньгун Хуэю, Вэнь Ле невольно улыбнулся. Когда у них появился фотоаппарат, Наньгун заставил Вэнь Ле сделать множество снимков. Даже обнаженным... Конечно, это нельзя было назвать пошлыми карточками: во-первых, в кадре был только один герой, а во-вторых, всё пристойное оставалось скрытым. Сделали штук пятьдесят: на кровати, у окна, на полу, у стены, перед зеркалом в ванной... и Наньгуну всё было мало. Он позировал без усталости, ни разу не повторившись. Прирожденный талант.

Они даже обсуждали идею снять видео. Вэнь Ле мечтал о серии мотивирующих короткометражек — небольших роликов до пяти минут на тему офисных притч; такие материалы могли бы пригодиться тренинговым компаниям. Наньгун же настаивал на цикле «Ночной Нанкин» — спонтанных зарисовках из жизни города. Если они действительно собираются жить вместе, всё это можно реализовать. Жаль только, что у старой модели Canon функция видео была слабенькой — не чета аппаратам от Kodak или Samsung. В будущем стоит купить профессиональную видеокамеру, чтобы ночные кадры выглядели достойно.

Они наметили несколько мест для съемок: храм Конфуция у реки Циньхуай, барную милю «1912», гражданскую площадь у Барабанной башни... Последний вариант, правда, потом отклонили — ходили слухи, что там собираются геи. Еще в списке были парк озера Сюаньгу и вокзал. Наньгун говорил, что в вокзалах есть особая «красота растерянности»: люди вечно куда-то спешат, уезжают или возвращаются, мелькают, словно испуганные лебеди, не оставляя следа, как птица в небе...

Разумеется, не забыли и про автобусы. Сесть на тридцать третий маршрут и проехать город с севера на юг, от вокзала до Юйхуатай. Или на пятый — с запада на восток, от озера Мочоу до Сяолинвэй, чтобы запечатлеть дух главных магистралей ночного Нанкина. Метро — и вовсе обязательный пункт; сколько историй начиналось и заканчивалось в этих вагонах. Подземка стала культурным символом города, где пересекаются бродяги, вечно спешащие клерки и праздные эстеты.

Вэнь Ле предложил снимать и обыденную жизнь: круглосуточные интернет-кафе, лотки с вонтонами и шашлычками, табачные лавки, таксистов в очередях у больниц, дворников, рабочих, размечающих зебры или латающих дороги под покровом темноты, разносчиков молока и газет, торговцев завтраками...

На самом деле, ночь в Нанкине по-своему очаровательна. Как в лесу дневные и ночные звери совершенно не похожи друг на друга, так и у ночного Нанкина есть своя экосистема. И мир этот не менее ярок и интересен.

Было бы замечательно, если бы карьера Наньгун Хуэя наконец наладилась. Днем — работа ради выживания, вечером — жизнь в свое удовольствие. Ночь ведь таинственна, призрачна и опасна; быть в ней гостем или наблюдателем — это одно, а пытаться в ней заработать на жизнь — совсем другое. Цена слишком высока, и речь не только о здоровье.

Идеальным вариантом Вэнь Ле видел стабильную работу для Наньгуна: чтобы они вместе уходили утром, вместе возвращались вечером, а потом играли или исследовали ночной город. Так было бы надежнее. Однако с образованием Наньгуна найти приличное место в Нанкине непросто. Он так и не вернулся в колледж, чтобы забрать диплом. Да и что толку от диплома профтехучилища? Сейчас даже выпускники бакалавриата зачастую оказываются на улице сразу после выпуска.

На обычную работу Наньгун вряд ли согласится. Его вторая работа, по рассказам, была весьма хлебной — в декоративной компании «Юйцзинь». Начав рядовым сотрудником, он уже через два месяца стал менеджером отдела материалов. На такой должности поставщики сами обивают пороги, предлагая откаты за то, чтобы их товар рекомендовали клиентам.

Наньгун как-то хвастался, что один торговец паркетом дал ему карту, денег на которой хватило бы на игровые расходы на год вперед. Неудивительно, что он столько времени мог не работать, сохраняя привычный уровень жизни.

Но этот прошлый успех стал препятствием. Сейчас он, по сути, на мели, и былая роскошь мешает ему согласиться на что-то более скромное. К тому же год лени и привычка всё откладывать на потом глубоко укоренились в его характере. Например, его хваленое «кадровое агентство»: получив факсы от однокурсников, он больше пальцем о палец не ударил. Когда Вэнь Ле спрашивал об успехах, тот лишь отмахивался — мол, завод отложил планы. И никаких попыток найти новых клиентов. Сколько это будет продолжаться?

Вэнь Ле это всерьез беспокоило. Он всем сердцем хотел помочь, но боялся, что чрезмерная опека лишь усугубит зависимость Наньгуна, и тот так и не найдет в себе сил для нового рывка. Как нащупать эту тонкую грань?

Вэнь Ле купил хлеб, молоко и чайные яйца, чтобы отнести завтрак Наньгун Хуэю. Тот вряд ли проснется раньше девяти или десяти утра, особенно после того, как вчера они дважды предавались страсти с таким неистовством...

<http://bllate.org/book/18179/1753761>